

Д. В. Тумаков

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, ФГБОУ ВО Ярославский государственный медицинский университет, доцент кафедры новейшей отечественной истории Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, кандидат исторических наук, г. Ярославль, Россия

Уголовная преступность в Ярославской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: причины и проявления

В период Великой Отечественной войны в Советском Союзе резко возросла уголовная преступность. Ярославская область не стала исключением. Немаловажными причинами такого положения вещей были массовые призывы кадровых милиционеров в армию, армейское и трудовое дезертирство, а также распространение элементов криминальной субкультуры в молодёжной среде. Советское государство усилиями правоохранительных органов вело с ними ожесточённую борьбу. Анализу причин и описанию различных проявлений данного процесса в Ярославской области и посвящена настоящая публикация.

Ключевые слова: уголовная преступность, Великая Отечественная война, Ярославская область, милиция, правоохранительные органы.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. является важнейшей страницей в истории нашей страны. Для собственного выживания и победы в крупнейшем военном конфликте в мировой истории Советскому государству и народу пришлось напрячь все силы. Неудивительно, что и в последующие десятилетия война с нацизмом оставалась предметом пристального внимания многочисленных исследователей в нашей стране и за её пределами. Если в советский период историки предпочитали подробно изучать крупнейшие сражения войны, особенно победы Красной Армии, подвиги бойцов и командиров на фронте или трудовой героизм народа в тыловых регионах, то после распада СССР интерес исследователей был больше обращён к трагическому начальному этапу Великой Отечественной войны, анализу причин неудач советских Вооружённых Сил и многим другим, ранее неизвестным или малоизученным её событиям (коллорабационизм на оккупированной территории, прогерманские настроения в советском тылу, высылка ряда народов, репатриация и т.д.).

Однако и в настоящий период история вооружённого противостояния Советского

Союза и нацистской Германии полна «белых пятен». К числу таких относится тема различных криминальных отклонений в советском тылу. Лишь по данным официальной статистики, в военные годы граждане Советского Союза совершили более 2,8 млн. различных преступлений (убийств, разбойных нападений, краж всех видов и т.д.) [17, с. 175-176]. Уровень преступности в стране возрос в несколько раз, а судимость повысилась в 2,5-3 раза [15, с. 56]. В целом социальный бандитизм в СССР в 1940-1947 гг. возрос на 547% [4, с. 171-172], лишь на заключительном этапе войны правоохранительные органы смогли достичь замедления темпов его роста. Ярославская область была типичным примером тылового региона СССР: война не дошла до её территории, хотя осенью 1941 года германская группа армий «Центр» стояла в непосредственной близости от её границ. В силу этого можно предположить, что криминальная обстановка в регионе в целом соответствовала общесоюзной.

Главной причиной заметного роста преступных проявлений в военные годы стало ослабление Рабоче-крестьянской милиции (РКМ) СССР, которая должна была противо-

стоять «нарушителям социалистической законности» в первую очередь. К началу войны процесс формирования этой системы в основном завершился. По мнению советской ведомственной историографии, к 1941 году милиция была «боевым, сплочённым коллективом, безгранично преданным своей Родине, Коммунистической партии и народу» [3, с. 26]. Однако анализ рассекреченных архивных документов позволяет сделать этот вывод менее категоричным и лишённым пафоса. Реальная жизнь в провинции была намного сложнее.

В предвоенные и военные годы, как сообщают материалы оперативных совещаний в Ярославле и Рыбинске, руководство Управления РКМ (УРКМ) по Ярославской области регулярно требовало от подчинённых повышения общеобразовательного и культурного уровня, пыталось бороться с их частым злоупотреблением алкоголем [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 6, 9, 11, 20]. Эти проблемы были присущи работникам правоохранительной системы СССР в целом. Так, лишь 20% районных и 28% краевых, областных и республиканских прокуроров имели высшее юридическое образование [12, с. 257-259]. Означенные недостатки вели к появлению на ответственных должностях в органах правопорядка некомпетентных людей, чей профессионализм оставлял желать лучшего. Как свидетельствуют рассекреченные документы фонда Р-2223 Государственного архива Ярославской области, на периферии начальники РКМ не имели сведений о числе совершённых и раскрытых преступлений, крайне небрежно вели официальную документацию [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 7, л. 1, 6; д. 20, л. 5, 6, 19, 21-22]. Подчинённые брали с них пример, периодически грубо нарушая служебную дисциплину или проводя незаконные задержания граждан – не случайно за первое полугодие 1941г. под суд Военного трибунала (ВТ) были отданы 19 ярославских милиционеров, 25 были уволены из РКМ, а 97 – подвергнуты дисциплинарному аресту [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 6, л. 1-об.; д. 23, л. 10].

Во время Великой Отечественной войны криминогенная обстановка в регионе заметно ухудшилась. Прежде всего, значительная часть кадровых сотрудников НКВД, РКМ, суда и прокуратуры ушла на фронт. В общей сложности 1054 милиционера ушли в Дей-

ствующую армию [7, с. 36]. Их заменили женщины, демобилизованные фронтовики, активисты правящей Коммунистической партии или комсомола. Во-вторых, заметно расширился объём работы, выполняемой РКМ: милиция и другие силы правопорядка вели борьбу с германскими диверсантами, нарушителями светомаскировки, дезертирами из вооружённых сил и с трудового фронта, оказывали шефскую помощь районам, освобождённым от вражеской оккупации [21, с. 21-22]. В-третьих, происходило существенное увеличение продолжительности рабочего дня работников РКМ и других силовых структур. По воспоминаниям ветеранов, во время войны им приходилось работать по 18-20 часов в сутки, а иногда даже целые сутки без перерыва [10, с. 69, 73-74; 14, с. 32; 19, с. 326]. Упомянутые факторы усугублялись технической отсталостью РКМ, острой нехваткой даже самых примитивных средств связи, крайне низкими бытовыми и жизненными условиями жизни большинства сотрудников [23, ф. 7462, оп. 1, д. 5, л. 15; 2, ф. 1, оп. 35, д. 3, л. 154-155; 9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 143, 146, 163].

Всё это в совокупности привело к острому росту криминальных отклонений. Уже с первых дней Великой Отечественной войны уголовники давали о себе знать. К примеру, в ориентировке, разосланной в правоохранительные органы регионов Верхней Волги 9 июля 1941 года, речь шла о побеге в ночь на 23 июня из камеры предварительного заключения Санковского районного отделения НКВД Калининской области опасных преступников – уроженцев Ивановской и Рязанской областей, Орджоникидзевского края, Крымской АССР и Казахской ССР А.П. Полякова, К.М. Крицкого, В.С. Дёмина, П.И. Корнеева и С.Ф. Никитина. Это были весьма молодые люди, в возрасте от 20 до 27 лет, чью принадлежность к советскому криминальному миру можно было определить по татуировкам в виде якоря или различных надписей на верхних конечностях [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 19, л. 2]. Все они обвинялись по ст. 59-3 УК РСФСР («бандитизм»). О их дальнейшей судьбе мы не располагаем информацией.

По данным саратовского историка В.Н. Данилова, в общей сложности в 1941-1944 гг. в РСФСР, республиках Закавказья и Средней Азии были ликвидированы 9872 банды общей

численностью 70599 человек [11, с. 336-337]. Мы не знаем, сколько из них приходились на Ярославскую область, но подобные факты нарушений законности фиксировались на её территории. Если в первые месяцы Великой Отечественной войны случаи криминальные проявления сократились до минимума по причине жёстких превентивных мер со стороны государства, введения многочисленных строгих запретов и ограничений для населения, а также существенного сокращения численности жителей крупных городов из-за армейских мобилизаций и эвакуаций [1, с. 126; 16, с. 224-225; 6, с. 39; 5, с. 18, 67; 13, с. 11], то уже в 1942–1943 гг. в документах ряда городских и периферийных отделений милиции можно найти тревожные фразы вроде «район поражён преступностью», «преступность растёт, работа ухудшается», «перспектив в борьбе с преступностью нет» или «преступность по области находится на высоком уровне, раскрываемость преступлений ... низка» [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 127, л. 6, 7-об.; д. 210, л. 3, 14, 16]. О различных громких преступлениях регулярно информировали руководство области на пленумах ярославского обкома ВКП (б) или на партийных конференциях начальник Управления НКВД (УНКВД) по Ярославской области В.В. Губин (1904-1972 гг.), а также областной прокурор А.Н. Мишутин (1905-1988 гг.) [23, ф. 272, оп. 224, д. 755, л. 88-90; д. 756, л. 51-52; д. 760, л. 77-80]. Ежедневные сводки, отправлявшиеся на имя секретаря областного комитета ВКП (б) командованием УНКВД, также были тревожны.

Особую актуальность в годы войны приобрела проблема дезертирства из вооружённых сил, уклонения от военной службы или воинского учёта. Она отличалась остротой осенью 1941 года по причине тяжёлых неудач Красной Армии в начале войны, а также падения боевого духа некоторой части военных и гражданского населения СССР. Ситуацию усугубляли факты коррупционных практик среди отдельных медицинских работников, объяснявшиеся их непростым материальным положением [22, с. 83-84], и неудовлетворительное продовольственное снабжение тыловых частей РККА. Дезертирство в Ярославской области не было ни массовым явлением, ни единичными фактами, его можно считать неотъемлемой частью жизни советского общества военной эпохи,

серьёзным социальным и криминальным фактором. Отношение государства к такого рода правонарушителям было крайне негативным, в условиях войны их считали трусами и предателями. Более того, власти видели в них резерв для создания вооружённого антисоветского подполья. В силу этого на розыск дезертиров и уклонистов от военной службы были брошены лучшие силы РКМ. Так, лишь за 1941–1943 гг. органами правопорядка Ярославской области были задержаны 14 тысяч армейских дезертиров и уклонистов от военного призыва [20, с. 202]. Мы не располагаем цифровыми данными касательно 1944-1945 гг., однако эта проблема продолжала сохранять определённую актуальность вплоть до завершения активных боевых действий в Европе в мае 1945 года.

Армейские дезертиры сыграли немаловажную роль в возрастании преступных проявлений в Ярославской области. Весьма показательным, что в сентябре 1943 года в одном из жилых домов на улице Свободы в центре Ярославля стражи порядка задержали граждан Суркова и Сопарыхина – военнослужащих РККА, ушедших в увольнение с пересыльного пункта и не вернувшихся назад. Дезертиры скрывались на квартире гражданки А.А. Камышевой, позднее также арестованной, и совершили две крупные квартирные кражи. Так, они украли у офицера Красной Армии личные вещи и табельное оружие с боеприпасами к нему, но были арестованы в момент продажи краденого близ Леонтьевского кладбища в областном центре [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 219, л. 56]. В октябре того же года ярославские милиционеры в рамках агентурного дела «Бродяги» задержали 2-х армейских беглецов и 3-х дезертиров с «трудового фронта», которые были избалованы в совершении квартирных краж со взломом и ограблении магазина Военторга. Как следует из архивных документов, упомянутые граждане ранее уже были осуждены на 10 лет тюремного заключения за дезертирство из РККА, но бежали повторно [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 219, л. 64].

На периферии дезертиры из Красной Армии подчас становились лидерами уголовных банд, терроризировавших мирное население. Например, в Брейтовском районе области ранее дважды судимый за хулиганство местный уроженец М. бежал с военного заво-

да и создал из местной молодёжи вооружённую группу из 8 человек [2, ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 195]. Источники вооружения этой шайки остались неизвестны. Осенью 1943 года на территории Брейтовского и Некоузского районов банда совершила свыше 10 ограблений и краж, отнимая у жителей продукты питания, личные вещи и скот. Наиболее жестоким преступлением М. и его подельников стало сожжение дома колхозницы в деревне Новое Брейтовского района в ночь на 4 октября 1943 года, в результате чего сгорело всё имущество женщины, а также погибли корова и 8 овец [2, ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 196]. Причина совершения данного преступления неясна, но известно, что бандиты неоднократно угрожали убийством и поджогами и другим крестьянам. Благодаря украденным колхозным лошадям, возглавляемая дезертиром шайка в течение некоторого времени уходила от преследования со стороны РКМ [2, ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 196].

Бандитизм оставался реальностью повседневной жизни Ярославской области на всём протяжении Великой Отечественной войны, причём коренной перелом и переход стратегической инициативы на фронте к Красной Армии не изменили ситуацию. Например, в ходе длительной операции в Филимоновском сельсовете Брейтовского района в феврале 1943 года опергруппа НКВД ликвидировала банду из 6 человек, вооружённых боевым и охотничьим оружием. Один бандит был убит при попытке к бегству. Арестованные были местными уроженцами в возрасте от 24 до 34 лет, все они ранее дезертировали из строительного батальона Красной Армии в период первоначальных неудач на фронте. Преступники вырыли в лесу близ Бухаловской дачи землянки и колодец, из подручного материала сделали лыжи для быстрого перемещения по зимнему лесу, а для носки летом плели лапти. Примечательно, что дезертиры не прерывали связи с собственными семьями, а иногда даже жили у себя дома, занимаясь кражами. Родные снабжали их продуктами. Из документов Отдела по борьбе с бандитизмом при УНКВД по Ярославской области следует, что банда, в частности, похитила 3-х овец с фермы и до 20 пудов ржи с колхозного поля [2, ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 15-об. – 17-об.].

Более опасной оказалась банда из 3-х человек, действовавшая в Судайском районе

области. В ночь на 3 декабря 1942 года она попыталась ограбить дом жительницы деревни Климовское – женщину ударили колом и угрожали ей убийством, однако она смогла скрыться. С её слов, одним из грабителей оказался односельчанин К. – ранее секретарь Нагорского сельсовета, призванный по мобилизации в Красную Армию [2, ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 1]. Приблизительно через год в райцентре Тутаев банда из 3-х человек, представлявшихся работниками РКМ, совершила ряд ограблений квартир. Бандиты забирали у горожан деньги, продукты питания и одежду. Как правило, нападения сопровождалось избиванием жертв, угрозами применения оружия и даже стрельбой в воздух. После задержания банды выяснилось, что главарём преступников оказался уроженец Одессы, бывший лейтенант РККА С., бежавший из ярославского эвакогоспиталя № 5766, а похищенные вещи доставлялись в дом гражданки Р. – в прошлом дважды судимой притоносодержательницы [2, ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 267-267-об.].

Отметим, что далеко не во всех случаях армейские беглецы активно участвовали в тех или иных криминальных формированиях, иногда предпочитая обычную жизнь в тылу по подложным документам. Например, в Нерехтском районе области в 1943 году был задержан дезертир Ш. – обычный красноармеец, нашедший удостоверение на орден Красной Звезды, после чего бежавший из армии и выдававший себя за удостоенного правительственной награды лейтенанта Красной Армии [2, ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 24].

В другом случае беглец проявил заметную фантазию и изобретательность. В том же году в Даниловском районе сотрудники НКГБ задержали местного уроженца дезертира Д., который дезертировал из рабочего батальона под Тихвином двумя годами ранее, вернулся на родину. Там Д. отрастил бороду и длинные волосы, после чего в 33 года внешне стал напоминать старика, и перешёл на легальное положение. Дезертир проживал в собственной семье и занимался изготовлением валенок. Жена выдавала его за собственного дядю, а четверо их общих детей – за дедушку. Односельчане ранее плохо были знакомы с Д., поэтому также не высказывали подозрений, в результате чего задержание дезертира стало во многом случайностью. Домой к нему пришёл председатель местного

сельсовета Алексеев, решивший проверить информацию о выработке валенок, однако при виде его беглец скрылся из дома. Алексеев сообщил о странном поведении «старика» в местное отделение НКВД, после чего высланная на место опергруппа задержала Д. [2, ф. 1, оп. 35, д. 73, л. 146]. Его дальнейшая судьба нам не известна.

Первоначально дезертиры не делали зла мирному населению, к тому же РКМ не хватало опыта, поэтому операции против вооружённых групп нередко заканчивались неудачно. Но постепенно ситуация изменилась: чтобы выжить, армейские беглецы стали совершать различные преступления (кражи, разбой, грабежи и др.) против жителей, поэтому те начали оказывать поддержку правоохранительным органам. В совокупности с коренным переломом в ходе войны и преодолением хаоса на советско-германском фронте это обстоятельство привело к относительно успешному решению проблемы дезертирства.

Немаловажной проблемой в 1941-1945 гг. стало распространение преступных проявлений в молодёжной среде, о чём убедительно свидетельствуют рассекреченные милицейские документы. Приведём лишь несколько красноречивых примеров. В июле 1943 года работники 5-го городского отделения милиции (ГОМ) Ярославля с помощью секретного осведомителя Истова раскрыли две квалифицированные кражи у эвакуированных, совершённых воровской группой из подростков. Были арестованы два жителя Ярославля – 16 и 17 лет, но на свободе оставался их 16-летний поделник [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 218, л. 51]. В декабре того же года милицией был задержан 15-летний подросток без определённого места жительства и занятий, признавшийся в совершении кражи чемодана на станции Всполье (ныне железнодорожный вокзал Ярославль-Главный), а также квартирной кражи со взломом [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 218, л. 35-об.]. В это же время сотрудниками 6-го ГОМ при помощи негласной агентуры была раскрыта деятельность двух воровских групп, членами которых были подростки 14-16 лет из числа учеников ремесленного училища № 2 г. Ярославля, молодых рабочих местного автозавода, а также нигде не работавших и не учившихся маргиналов. Преступники совершали кражи в жилых бараках на Тутаевском шоссе, в прачечной артели

«Новый быт» и даже в магазине № 7 Военторга [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 219, л. 70]. Все эти случаи были далеко не единственными.

Наиболее заметное ухудшение криминогенной обстановки среди молодёжи в Ярославской области произошло на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные месяцы. В это время в регионе широкое распространение получило хулиганство, что были вынуждены официально признать даже ответственные должностные лица. Так, на IV пленуме Рыбинского горкома ВКП (б) от 23 августа 1945 года директор моторного завода № 36 Г.М. Григорьев вспомнил эпизод, когда «ребята ворвались в общежитие девушек, которые были ещё в постели, и сорвали с них одеяла, ни одного не взяли и ушли» [23, ф. 263, оп. 75, д. 29, л. 368]. Ему вторил заведующий базой № 34 полковник К.А. Григорович, утверждавший в июне 1945 года, что «дети хулиганят, ведут себя очень плохо», в частности, похищают большое количество завезённых в школу дров [23, ф. 263, оп. 75, д. 29, л. 249]. В свою очередь, заведующая горздравотделом Рыбинска Л.Г. Складенко (1912-2002 гг.) подтверждала, что «много ребят возраста пионеров и комсомольцев живут на рынках и улице, и из них выходят малолетние преступники». Критике за отсутствие связи с правоохранительными органами и настоящей борьбы с «детьми улицы» с её стороны была подвергнута городская организация ВЛКСМ [23, ф. 263, оп. 75, д. 29, л. 369-370].

Местные правоохранительные органы пытались анализировать обстановку и найти причину растущей уголовной преступности в регионе. В частности, на общегородском партсобрании в Рыбинске 15 марта 1945 года начальник УНКВД по Ярославской области комиссар госбезопасности В.В. Губин утверждал, что «у вас имеется несколько мест заключения, мы выпускаем из колонии и находятся среди этих людей такие, которые продолжают проводить свою вражескую работу и выйдя из колонии» [23, ф. 263, оп. 75, д. 29, л. 104]. Весьма примечательно, что в споре с чекистом на собрании городского партийного актива Ярославля с участием секретарей горкомов и райкомов ВКП (б) 14 декабря 1945 года абсолютно идентичное мнение высказал и упоминавшийся выше директор моторного завода № 36 Г.М. Григорьев, утверждавший,

что с вверенного ему предприятия регулярно бегут «бывшие колонисты», для которых в исправительно-трудовой колонии якобы «нет воспитания» [23, ф. 273, оп. 74, д. 90, л. 40]. Слова высокопоставленных должностных лиц постоянно находили подтверждение на практике. К примеру, в сентябре 1944 года в клубе катерозавода в Рыбинске было совершено нападение с целью ограбления на шофёра завода № 34 – преступники похитили у него бумажник с документами, в том числе с партбилетом [23, ф. 263, оп. 75, д. 29, л. 160].

Методы борьбы со всеми означенными видами преступлений в Ярославской области оставались одинаковы на протяжении войны: массовые облавы в городах и сельской местности, проверки паспортного режима в местах массового скопления людей, слежка или даже аресты семей обвиняемых и их высылки в другие районы, создание разветвлённой нелегальной агентуры среди населения, на предприятиях, в колхозах и других организациях. В «поражённые уголовно-преступным элементом» регионы направлялись опергруппы РКМ и НКВД, максимально привлекались силы советской общественности, у населения изымались оружие и боеприпасы, осуществлялась перлюстрация писем [9, ф. Р-2223, оп. 1, д. 20, л. 26; д. 150, л. 1-1-об.; 18, с. 52; 8, с. 110-111].

Итоги военных лет с точки зрения криминогенной обстановки для Советского Союза в целом и для Ярославской области в частности оказались двойственны. С одной стороны, несмотря на все трудности, государство сумело не допустить крушения тыла, а советские правоохранительные органы, в том числе и региональные, не позволили уголовно-преступным элементам дезорганизовать повседневную жизнь советского населения в этих регионах. Упомянутые выше дезертирство и уклонение от призыва в Красную Армию, по данным ярославского историка С.В. Стяжкина, не превышали 3 % от общего числа призванных [20, с. 202]. С другой стороны, элементы криминальной субкультуры обрели популярность среди молодёжи и общества в целом. Военные тяготы и бедность подавляющего большинства населения также толкала обычных, законопослушных граждан на преступный путь. Следствием преступности военной эпохи станет весьма значитель-

ный размах бандитизма в первые послевоенные годы.

Библиографический список:

1. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (30-40-е годы). М.: «Молодая гвардия», 2003. 480 с.
2. Архив Управления ФСБ РФ по Ярославской области. Ф. 1. Оп. 35. Д. 3, 73.
3. Биленко С.В. На бессменном посту. Из истории советской милиции. М.: «Знание», 1969. 48 с.
4. Бурдс Д. Борьба с бандитизмом в СССР в 1944-1953 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2000. С. 169-190.
5. «Была война...»: Сборник документов и воспоминаний о Ростове в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль», 2001. 368 с.
6. «В грозном 41-м...»: Сборник документов и материалов. 22 июня -31 декабря 1941 года (К 60-летию начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). Кострома: Отдел по делам архивов Администрации Костромской области; Гос. архив новейшей истории Костромской области, 2001. 170 с.
7. Власов А.Е. Помогая фронту (из истории ярославской милиции) // Сыск. 2004. № 3. С. 35-40.
8. Говоров И.В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 109-119.
9. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-2223. Оп. 1. Д. 6, 7, 9, 11, 19, 20, 23, 127, 143, 146, 150, 163, 210, 218, 219.
10. Грачёв А.Ф. Объявлен розыск...: Краткий очерк истории ярославской милиции. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1988. 96 с.
11. Данилов В.Н. Советское государство в годы Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941-1945 гг. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 400 с.
12. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Приговорённые временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937-1953 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 536 с.
13. Киселёв С.И. На защите Отечества. Гаврилов-ямцы в годы Великой Отечественной

- войны. Гаврилов-Ям: Гаврилов-Ямская центральная библиотека, 2005. 182 с.
14. Листая славные страницы // Сыск. 1997. № 3-4. С. 31-35.
15. *Миронов Б.Н.* Россия уголовная // Родина. 2002. № 1. С. 53-57.
16. *Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е.* История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов. - М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. 336 с.
17. «На краю советского общества». Советские маргиналы как объект государственной политики. 1945-1960-е гг. М.: РОССПЭН, 2010. 816 с.
18. *Раззаков Ф.И.* Бандиты времён социализма (Хроника российской преступности 1917-1991 гг.). М.: Эксмо, 1996. 528 с.
19. «Служить Отечеству честь имею...». Документы по истории органов внутренних дел Ярославского края в конце XVIII-XXI вв. Ярославль, 2002. 632 с.
20. *Стяжкин С.В.* Тайная война на Волге (1941-1945 гг.) / С.В. Стяжкин [Текст]. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2002. 250 с.
21. *Тумаков Д.В.* «Внутренний фронт»: криминальные отклонения в СССР в эпоху Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (по материалам Ярославской области). Ярославль: Аверс Плюс, 2012. 204 с.
22. *Тумаков Д.В.* Медицинское сообщество Ярославской области в годы Великой Отечественной войны: неизвестные страницы // Новый исторический вестник. 2014. № 3 (41). С. 77-90.
23. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 263. Оп. 75. Д. 29; Ф. 272. Оп. 224. Д. 755, 756, 760; Ф. 273. Оп. 74. Д. 90; Ф. 7462. Оп. 1. Д. 5.

©Тумаков Д. В., 2026